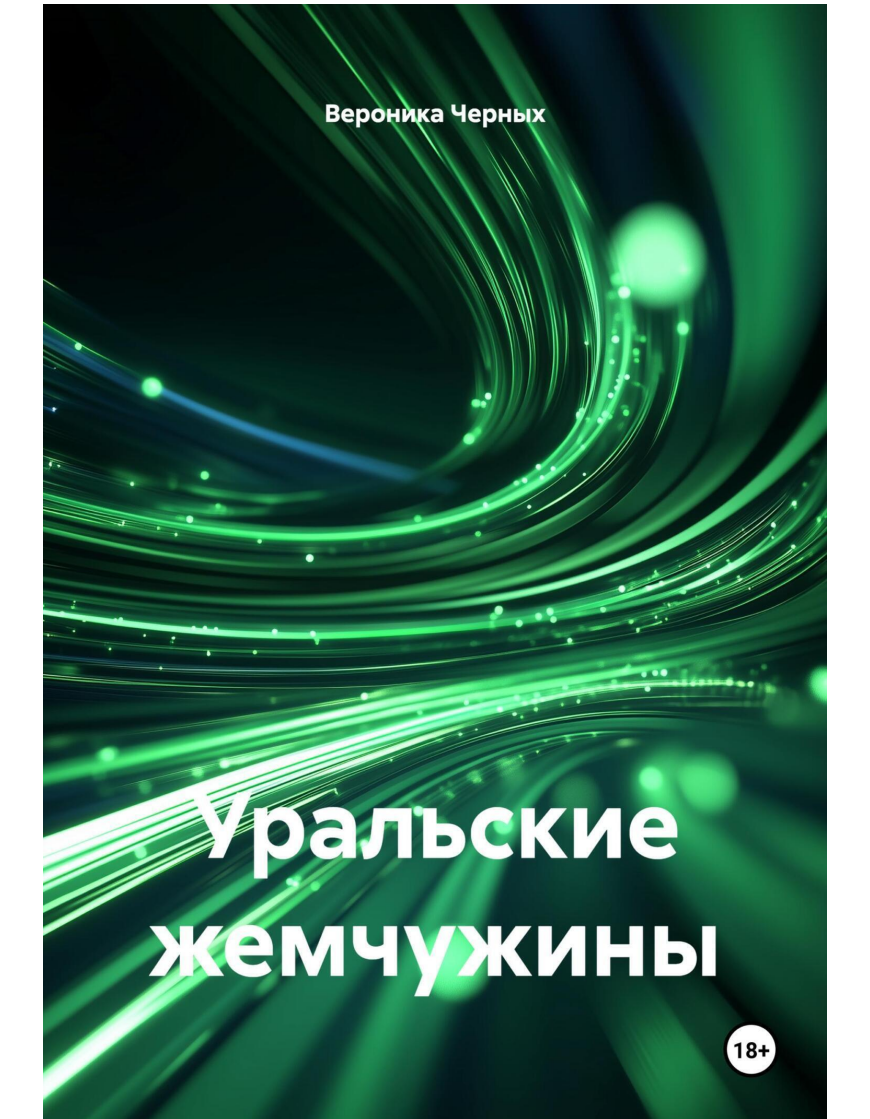

The background of the entire page is an abstract composition of vibrant green and blue light trails. These trails are curved and flowing, creating a sense of dynamic movement and depth. They are set against a dark, almost black, background, which makes the glowing lines stand out prominently. The overall effect is reminiscent of a high-speed digital or optical phenomenon, possibly representing data flow or the intricate patterns of light in a scientific or artistic context.

Вероника Черных

Уральские жемчужины

18+

Вероника Черных

Уральские жемчужины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72390391

SelfPub; 2025

Аннотация

Заметки путешественника – это своего рода путеводитель для... других путешественников. Я живу на Урале в Челябинской области, среди озёр и гор. Это Бажовские места. Это красота, которую иностранцы сравнивали с Швейцарией. Это моё личное вдохновение. Мой дом. И о нём я хочу рассказать. Буквально о нескольких локациях в моей области и в соседней, Свердловской, которые мы с мужем открыли для себя – а теперь и для вас.

Вероника Черных

Уральские жемчужины

ОЗЕРО ИТКУЛЬ

Шайтан-камень на озере Иткуль я видела только на картинах и фотографиях снежинских художников. Как его найти, не представляла; знала лишь общее направление. Посмотрев по карте, мы определили, где именно может стоять достопримечательная скала, и снова сели в машину. Полчаса – и мы, миновав бывшую деревню свердловских мафиози на берегу маленького холодного озерца Ташкуль, питающегося донными родниками, упираемся в насосную станцию, «украшавшую» Иткуль. Оставив машину на пустыре, мы отправляемся пешком по лесной тропинке. Постоянные дожди превратили дорогу в хлябь. На велосипеде тут ещё с горем пополам проедешь, а на четырёхколёсном транспорте никак, только если ты за рулём трактора попытаешься усидеть.

Комары, разозлённые долгим сном из-за «нелётной погоды», нападают, будь здоров, не успеваешь отмахиваться. От этой зудящей толпы становится противно шагать под лесным покровом. Какие тут красоты, какие там камни – живыми бы добраться до спасительной машины, где никто не зудит под ухом и не старается тебя отведать!

Но вот с одного мыса, куда выводит тропинка, мы замеча-

ем стоящую по колено в воде одинокую прямоугольную скалу, и настроение резко повышается. Фотографировать ещё далеко, надо бы поближе подобраться. Приободрившись, мы спешим вперёд. Со второго открывшегося нам утёса Шайтан-камень виден, как на ладони. Вот только коварное солнце куда-то запропастилось, и потому фотоаппарат остался взведён, но не использован. Ладно, может, поближе сниму. Подбираемся ближе. Вид заслоняют сосны. Но вот открывается большая поляна, заваленная туристическим мусором, и от неё вниз, к озеру, ходит найденная тропа, покрытая тонким ковром из прошлогодних сосновых иголок. Напротив тропы – Шайтан-камень.

Говорят, когда-то существовал обычай: если лето дождливое, и небо затянуто тучами, то надо на Шайтан-камне зарезать белого барана – и тогда ветер разгонит хмарь и вернёт на небо солнце. А если мучает засуха и нужен дождь, то надо зарезать чёрного барана...

Другую легенду рассказал в своём сказе «Золотой волос» Павел Бажов. Типа есть в одном озере «камень тычком стоит вроде горки. С одной стороны сосны есть, а с трёх – голым-голо, как стены выложены. Вот это место и есть. Кто с золотом доберётся до этого камня, тому ход откроется вниз, под озеро. Тут уж Полозу не взять». Полоз, по уральским легендам, это хранитель всего северного золота.

Какой же он маленький! Какой же он гадкий! Вся, от «борта до мачты», одинокая скала, похожая на потемневший

зуб в старческом рту, разрисована глупыми вандалами. Грузная, опустошённая, загаженная... Разочарованные, расстроенные, мы чуть ли не бегом возвращаемся к машине. Я не фотографировала: что фотографировать? Человеческую туфлю, навечно разрисовавшую бедную скалу?

Само озеро Иткуль очень красиво. Крупные камни. Белые скалы на высоких берегах, твёрдое дно, прозрачная вода. Тот же писатель Павел Бажов в «Демидовских кафтанах» так описывал это чудесное место: «Берега – песок да камень, сухим-сухохоньки, а кругом сосна жаровая. Как свечи поставлены. Глядеть любо. Вода как стеклышко – все камни на дне сосчитай. Только скрасна маленько. Как вот ровно мясо в ней полоскали. Дно, вишь, песок-мясника, к нему этак отливает. Оттого будто озеро Иткулем и прозывается. На башкирском говядину называют ит, а озеро – куль, вот и вышло мясное озеро – Иткуль».

По другой версии название раньше звучало как Иккуль, если произнести точнее, то Ыйыккуль, что в переводе означает «священное озеро».

Наиболее близкое к истине происхождение названия от тюркского личного мужского имени Иткол (Эткол), которое широко распространенное у башкир. Это могло быть имя владельца-вотчинника, предводителя рода и проч. или относиться к именованию родовой группы, обитавшей здесь.

Но, возможно, красноватый оттенок придают воде озера кристаллические сланцы с вкраплениями граната, составля-

ющие часть дна. Озеро дало своё имя иткульской культуре раннего железного века.

Вокруг стоят невысокие покатые горы. Возле самой гордой из них – Карабайке в 544 метра – течёт речка Карабайка. А ещё в Иткуль впадают Зюзелка, Каменушка и Абсалямовка, а вытекает Исток, который бежит в озеро Синара.

На берегах Иткуля стоят базы отдыха, Сайма, Дом рыбака, деревни Даутово и Иткуль. Последней уже более трёхсот лет!

Мы мчимся по пустынной асфальтной ленте по холмам и пригоркам, мимо зелени лесов и тишине болот, мимо деревни Сельки, мимо баз отдыха и озера, потом – по серой и пыльной грунтовой дороге, мимо развязки, отмеченной россыпью белого мрамора на заброшенной недавно выработке. Машина пробирается вверх, вверх, и, остановившись на обочине, мы выходим и сразу видим в земле рану. Это Макарьевский карьер.

Прямо с дороги виден сползающий в него спёкшийся язык из песка, глины и мёртвого чёрного шлака. Если идти по языку, попадёшь на край карьера. Вид страшный. Врезанные по спирали склоны, в самом низу – конец дороги, а здесь, где мы стоим, – трещины и хилые сорняки. Всё дышит опасностью и запустением. Хотя нельзя сказать, что это – ещё одна помойка человечества: полным ходом идёт, как говорится, технологический процесс. Ходят гружёные машины, вздымая пыль, стоит будка сторожа, а рядом – будка его белой собаки, обожающей шоколад и ненавидящей легковые маши-

ны, к которым не привыкла за год своей собачьей жизни.

Сторож рассказывает нам, что карьеров тут видимо-невидимо, надо только порыскать по дорогам. И вот мы едем по одной из них. От Макарьевского карьера мы забрались совсем недалеко. Широкая грунтовка сужается и пробирается по самому краю прекрасной бездны. Всюду – заросли берёз, ивы и вербы. «Открытое окно» есть только на маленьком, в пять шагов, осыпающемся участке дороги. Зато отсюда нам видны и линии вырезанных в склоне путей, и оползень под ногами, и обрывающиеся вниз склоны с юными мохнатыми соснами, и тёмно-синяя столешница воды, заполнившей десятки лет назад дно вырубленного карьера. Искусственное озеро не взворохнётся. Лишь изредка рябь от бриза взъерошит лаковую поверхность. А вдали – гребень отвала Макарьевского карьера.

Дальше ехать по опасной дороге мы не отважились, хотя отчётливо был виден отличный съезд прямо к кромке озера с противоположной стороны пропасти. Но как туда добраться – это дело целого путешествия, а не прогулки, как у нас. Вправо от карьера тоже идёт дорога. Куда? Не знаем, а бензин на исходе, до города 50 километров, солнце зевает, завтра на работу, и дорога остаётся непознанной.

ЧЕРЕМШАНСКИЙ КАРЬЕР

Мы свернули на Верхний Уфалей и вскоре добрались

до карьеров. Они изрыли гору Черемшанку, названную так по растущему на ней дикому чесноку – черемше. Есть тут, к примеру, Черемшанский карьер ОАО «Уфалейникель». Здесь делают мраморную плитку, штофы, вазы, рюмки из камня. Мрамор отличается богатой цветовой гаммой и структурой. Камнеобработчики ОАО даже участвовали во Всероссийской выставке в Пятигорске «Строительство-2001» (организатор – «Южнороссийский ЭКС-ПО-центр») и получили диплом за интересный предоставленный материал. Получили заказ на мраморные плитки от Эссентуков, что на Кавказе.

А ещё здесь есть огромные живописные никелевые карьеры – Старо- и Ново-Черемшанский. Они уже не разрабатываются, потому что их заполнили грунтовые воды. Цвет их необычаен – изумрудный. Потому что – этот самый никель! Этот металл открыт в 1751 году шведским минералогом Кронштедтом. По свойствам он похож на железо и хорош тем, что отлично противостоит повсеместной беде – коррозии. Так что его добавляют в нержавеющие стали и сплавы. А в окрестностях Верхнего Уфалея его открыли случайно в 1907 году при разведке месторождений железной руды на Черемшанской горе и Нижне-Каркодинском руднике. В 1913 году профессор Н.И. Шадлун обнаружил на западном склоне Черемшанской горы новое месторождение. Оно получило название Ново-Черемшанского. По итогам разведки 1916 года его охарактеризовали, как крупнейшее нике-

левое месторождение Урала. Однако промышленная разработка никеля началась лишь в 1930-е годы, когда в 1933 году построили Уфалейский никелевый завод. Первое время работы велись вручную, а транспортировали в вагонетках с помощью конной тяги. В 1936 году построили узкоколейную железную дорогу, связавшую рудник и завод. Руду брали открытым способом до 1988 года. Яму выкопали в 250 метров глубиной, диаметров около полутора километров! Стены карьеров похожи на гигантский амфитеатр, где зрители – это сосны и берёзы. Ступени изобилуют оттенками разным цветов, даже розовым! Карьер напоминает букву «Н», потому что посередине суживается.

Старо-Черемшанский карьер поменьше, и он овальный. Его изумрудное озеро размерами 900 на 300 метров. Его жизнь началась в 1912 году, а добыча велась с 1948 по 1986 год. Вода в нём прозрачная. А некоторые артефакты на дне привлекают сюда дайверов. Ну, мы не подводники, так что мы только сверку полюбовались на сию невозможную красоту. Летом можно искупаться, но рядом с берегом, потому что вода плохо прогревается. На глубине она всего плюс пять градусов.

Также здесь попутно добывались мрамор и [кварц](#). Завод «Уфалейникель» работает и в наши дни. Любители минералов могут поискать в отвалах тальк, серпентин, амфибол, хризотил-асбест, пироксен, плагиоклаз, кварц, кальцит, магнетит, хромит, гранат, везувиан, циркон и другие.

Вокруг полно технологических ям. Прямо на отсыпанной дороге лежат зелёные шершавые камни, блестящие на солнце. Грузовики вспахивают пыльные трассы, окутывая нашу легковушку плотным жёлтым туманом. Мы взбираемся на гору. По левую сторону – огороды, вдали, на склонах – деревня. По правую руку – пустота бездны. Склоны разноцветны; в одном месте вниз поползла широкая ярко-розовая полоса какой-то руды. Кстати, на этом руднике позаботились и о нас, любопытствующих: на самом высоком месте оборудована металлическими перилами асфальтированная площадка осмотра. Ветер рвёт вниз. Замёрзнув, мы спрятались от ветра в машину и закусили бутербродами, запив их «Шадринской» минералкой.

Проехали дальше. Возле одного отвала остановились, чтобы рассмотреть склон второго карьера. Взглянули на камни – ба, да они все сверкают на солнце! Пригляделись – а на поверхности почти каждого из них – щётки кристаллов. Ну, как устоит рука? Взяли несколько камешков.

Едем дальше. Вокруг пустынность отвалов камня и песка, редкие ошмётки растительности. Разворачиваемся на первом же удобном месте и возвращаемся. А вот тут – какая-то поляна, уходящая в подозрительную пустоту. Может, поглядим? Останавливаемся и идём по поляне. Она идеально ровная. Трава на ней – как подошва. Сквозь молодые сосны проглядывают полосы карьера. Подходим к краю – батюшки! Маленький, но очень крутосклонный карьер, поросший зе-

ленью и наполненный изумрудной водой. Не можем налюбоваться на эту жемчужинку. Надо же, человеческий след природы аккуратно и прелестно исправила, переделала, украсила, и теперь смотришь на это спокойное и глубокое зелёное озеро и не страшишься неведомо чего, только вздыхаешь от невиданной красоты... Вот так природа выгнала людей из себя, просто-напросто залив грунтовой водой свои раны.

Какие-то голоса слышны с противоположного берега. Долго не могу разглядеть, кто же там, и, наконец еле-еле различаю мелкие фигурки мальчишек на велосипедах, спускающихся по спиральной дороге прямо к воде. Как, однако, далёк этот казавшийся близким, склон карьера! Мальчишки раздеваются и по проглядывавшей сквозь воду дороге бредут купаться. Они плещутся и смеются. А потом здесь же, на затопленной дороге моют велосипеды и уезжают вверх. Мы следуем их примеру.

ПОСЁЛОК ВИШНЕВОГОРСК

Воздвиженский берег озера Синара, на котором построен в 1957 году наш город Снежинск, изучен всеми вдоль и наискось, и поперёк. Что там можно отыскать такого интересного? Заехали на кромку берега, где обожают отдыхать свердловчане и направились по узкой просёлочной дороге вглубь прибрежных зарослей.

Ветви хлещут по бокам машины. Кое-где видны пропле-

шины заливных лугов. Внезапно машина вырывается на открытое пространство. Дальше хода нет – только лес со всех сторон. А впереди – мелкая черноводная речушка, ледяная, будто бы течёт она не из озера под тенью деревьев, а с гор, покрытых льдом. Она запакована в бетон. Кто это сделал, когда? Зачем нужна эта тупиковая дорога? Для кого? Сразу почему-то запахло атомными секретами. А на самом деле, это, скорее всего, деятельность жителей Воздвиженки. Может, просто место отдыха во время покоса?..

В тот же вечер открыли для себя рабочий посёлок Вишневогорск – близкий, но незнакомый, как и его окрестности. Единственное, что видела там в 1998 году, – это гора Вишнёвая и озеро Аракуль: летом с компанией взобралась на белые отглаженные скалы Шихана.

Посёлок, как положено, начался с производственной необходимости: в 1941 году в этих красивейших местах среди озёр Сунгуль, Булдым и Аракуль, у подножия Вишнёвых гор начала работу Вишневогорская геологоразведочная партия. В июле 1943 года организовали рудник того же названия. На нём добывали минералы вермикулит, ниобий и руду, содержащую редкоземельные элементы лантан, неодим, празеодим и другие. Посёлок при руднике сперва называли Вермикулитом, но попробуйте его произносить! Башкиры, например, говорили – Мирмикулит. Так что посёлок стал просто Рудником. Продолжалось это до 1949 года. Именно тогда посёлок городского типа получил имя Вишневогорск. По пе-

реписи 1959 года в нём жило больше десяти тысяч человек. Сейчас – чуть больше четырёх. Стадион есть. Школа. Детсад. Магазины. Центр горнолыжного спорта. Кондитерская фабрика «Голицын» со своими конфетами, шоколадом, козинаками, халвой на фруктозе. Церковь во имя святого Пророка и Предтечи Господня Иоанна.

Но самое главное тут – природа. Хребет Вишнёвых гор – это десять километров вершин Каравай, Булдым, Кобелиха, Крутиха, Еремиха, несущих на себя сосновые и берёзовые леса, вишняки, малинники, шиповник. Геологи нашли в недрах хребта минералы Вишневит, Ниобозинит, Тороэшинит, Ферсмит, Фторрихтерит. Язык сломаешь. Честно.

Гора Каравай плоской куполообразной формы несёт на себе ретрансляторы и православный Поклонный крест. Её склоны изрыты карьерами, шурфами, штольнями, разведочными канавами. К западу от горы в подземных недрах до глубины почти триста метров расположены выработки шахты «Капитальная», которая была закрыта в девяностых годах XX века. Вход в шахту находится у северо-западной подошвы Каравая. На южном склоне располагается около десятка небольших штолен знаменитой пегматитовой жилы № 5, экспонаты из которой красуются во многих музеях мира.

На горе Кобелиха работает горнолыжный центр «Гора Вишнёвая». Сверху хорошо виден каскад Каслинских озёр. Самое крупное из них – Сунгуль. В XIX веке на его берегах старообрядцы основали мужской монастырь. На его кладби-

ще покоили старица Елена и старец Леонид. В празднование их памяти организовывались крестные ходы, служили все-нощные. Уничтожили монастырь в конце 1920-х годов. Но крест на берегу стоит. Как память. И в одном месте, справа от дороги, сохранилась часть кирпичной кладки. Сунгуль живописной протокой с каменистыми низкими берегами и густым лесом соединяется с другими озёрами – Силачом, Киретами, Кисегачом, Карасым.

Между прочим, на нём обнаружены стоянка людей эпохи неолита, их орудия труда, остатки металлургического производства – шлаки.

А ещё в окрестностях Вишневогорска есть Курочкин лог. Это месторождение полевого шпата, отработанное в 1920-1924 годах XX века, старый рудник «Шпат». Сейчас на месте двух выработанных жил располагаются живописные карьеры длиной 80, шириной 30 и глубиной до поверхности воды 20 м. Эти каньоны с вертикальными разноцветными стенками производят неизгладимое впечатление. Представьте царство красоты и покоя, тишины и полумрака! На дно одного из них ведёт 35-метровая горизонтальная штольня, пробитая в коренной породе. Этот коридор очень нравится туристам. С 1969 года Курочкин Лог является геологическим памятником природы Челябинской области.

Итак, на сей раз вместо прямой дороги на Аракуль мы свернули мимо камнедробилки налево, в гору. Машина периодически окутывалась дымом от КАМАЗов, гружёных

камнями. С обеих сторон лес, и только почти на вершине горы – расчищенное техникой пространство. Мы же любим всё расчищать, чтоб ничего не оставалось, верно?

Подошли к краю обрыва и ахнули: какие дали открылись взгляду! Тёмные горы, покрытые пледом летнего леса, отблески от озёр, а позади – белые башни Снежинска. Видны с горы и бывший кордон на Семи Ключах, и трубы городских котельных. Какой-то грузовик остановился напротив нас. Из неё вышел молодой парень в спецовке и направился к нам.

«Откуда, куда, зачем?» – спросил он.

Пришлось признаться, что мы – непутёвые из Снежинска, путешествуем по Ближнему Свету и ищем открытия. Он погрозил пальцем и объяснил, что здесь технологическая зона, и всякие любопытствующие всяко не приветствуются. Мы покивали, и удовлетворённый блюстителъ высокогорного рудника умчался вниз.

А мы, на свой страх и риск, потлепали тихонечко на самую вершину. Интересно же, что там дальше!

А дальше стояли пара зданий и сооружений, висела придорожная пыль, ловили заходящее солнце груды серых непривлекательных камней. Зато видно было столько, что даже невозможно описать. Какая жалость, что мы не взяли фотоаппарат!

Спускаемся. На полпути видим прекрасную ухоженную дорогу, ведущую вниз. Свернули налево, предвкушая новое открытие. Оказалось – дорога на каменный отвал. Пара со-

тен метров, наезженная ровная площадка и всё. Нет, это не открытие. Доезжаем до камнедробилки и останавливаемся метров через сто пятьдесят. Справа – намёк на карьер. Мы перебираемся через ограду, схватываем несколько ягод земляники в траве и подходим к самому краю. Извилистая пропасть с каймой из обелённых камней заполнена стоячей зелёной водой. Прямо под нами – остаток дороги, скрывающийся в воде. Посреди озера – остовы погибших берёз на беловатых валунах. Всё такое тихое и мрачное – наверное, из-за безветрия и набегающих туч.

С другой стороны дороги – продолжение карьера. Здесь пиявка безжизненной воды лежит глубоко внизу и уходит своим узким хвостом в ущелье, заваленное камнями. Прямо перед ущельем – ровная площадка, а перед площадкой – горки городского мусора и остатки железных конструкций. Бросишь камень вниз – он гулко стучается о себе подобные и с громким плеском погружается в чёрную от тени воду. А наверху, там, где зеленеют юные берёзки, полным-полно сладкой и крупной земляники. Полную черноты пропасть немного освежают светлые глинопесчаные почвы, серо-бежевые скалы. Наверное, солнце достаёт до дна только в полдень. Но в полдень краски блёклы и размыты, поэтому на этот карьер лучше прийти либо утром, либо к вечеру.

Если возвращаться из Вишневогорска в Снежинск, и свернуть на незнакомую дорогу, что ведёт влево к производственным зданиям, то можно увидеть либо серебряные бар-

ханы искрящегося песка, либо заросли дикой облепихи на серых пляжах и мелкие волны болотистого озера Булдым. Не доезжая до пляжей, мы обнаружили фундамент и прекрасно сохранившуюся стену старого дома – по-видимому, мастерской или что-то в этом роде. Напротив него правильным прямоугольником высились шелестящие листвой толстые тополя. Эта непонятно для чего созданная площадка под тополями была тенистой и ровной. Почему-то заходить в эту сень не хотелось: страшновато. Казалось, что вокруг витают призраки умерших.

Впрочем, развалины всегда навевают печаль и невольный страх перед разрушительным действием времени. Что ж, zapomним тополиную ограду перед каменной стеной и вернёмся в тепло настоящего дома...

Одно из наших путешествий оказалось полностью автомобильным. Заняло оно немного времени, зато мы нашли кольцевую дорогу по маршруту Вишневогорск – Маук – Силач – Аракуль – Вишневогорск. Маросейка-дождь не мешал «Жигулям» пробираться по незнакомым дорогам. А дороги красивые. Вот на Маук она бежит среди зарослей высоких кустов и деревьев, навстречу горам, мимо них по долине, где расположилась деревня, из которой к нам возят хлеб, и наверх, к Верхнему Уфалею. По великолепной новой трассе едем несколько десятков километров. Здесь гористый край и постоянные повороты. Вот указатель на Аракуль.

Кстати, название озера переводится с башкирского «про-

межуточное озеро» или «озеро между гор». Оно небольшое: в окружности около девяти километров, но глубина ничего себе – до 12 метров. Есть небольшой узкий остров. А на востоке выходит из земли и устремляется к небу скальный массив – шихан белого цвета. Это любимое место отдыха, тренировок и соревнований скалолазов, фестивалей поэзии и авторской песни.

Здесь тоже, между прочим, обнаружены стоянки [угров](#) эпохи [неолита](#), в которых найдены каменные ножи, наконечники стрел и [нуклеусы](#). В древних стоянках обнаружены также керамические изделия, как простые, так и с орнаментами разных культур, как лесных, так и степных, с признаками как утилитарного, так и ритуального назначения. Имеются находки медных орудий [иткульской культуры](#). Также найдены стоянки гамаюнской культуры, самая старая из которых датируется XIII веком до нашей эры.

У расположенных неподалёку от озера [Аракульских шиханов](#) обнаружены девять стоянок древних людей с каменными объектами культового назначения.

Сам посёлок когда-то был базой для рыбоводного питомника.

Дорога на деревню Аракуль и дальше не очень хороша: не асфальтная, а отсыпанная, но тоже ничего. Она спускается, затенённая соснами, вниз, в открытый дол, где раскинулась деревня Силач. Вдали высятся горы. Минуем незнакомый Силач и вскоре выезжаем к знакомому Аракулю. Что ж,

практически мы дома. Осталось восемь километров до Вишневогорска, а там и до Снежинска совсем недалеко... Кстати, с одной из возвышенностей Вишневогорска прекрасно видны Силач, Большие Касли, сады, Синара, и даже Снежинск.

Всё-таки путешествие – удел любопытствующих. И ненормальных, наверное. Ну, кто сейчас будет тратить бензин, время, гробить машину на неизвестных трассах просто потому, что впереди – географическое открытие, причём открытие только для тебя, естественно, а не для других? Гораздо полезнее – сад, огород, извоз, зарабатывание денег, не так ли? Наверное, всё так, но всё же... Всё же! «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух!..» И дух любопытства, наверное, тоже.

Вот, к примеру, самая банальная дорога в соседний посёлок «Сокол», где десятилетия назад располагался наш институт. Ну, что там может быть интересного? Но на в посёлок мы сворачиваем направо, а что же находится прямо? Там же тоже дорога! Раньше я была уверена, что она ведёт в загадочный, недостижимый Озёрск – город типа нашего, закрытый. Оказалось – ничего подобного. Она петляет рядом с железнодорожными путями, рядом с озером, и заканчивается у ворот какого-то пионерского лагеря «Берёзки». А ответвление от неё – старая просёлочная дорога на Касли. Она широкая и ровная, однако, прямо перед современным трактом её наполняют две огромные лужи. Полчаса мы ходили вокруг этих прудов, выясняя, можно ли по ним проехать. Рискнули:

ведь тракт в пяти метрах, ну, разве можно повернуть назад! Риск оправдался, «Жигулёнок» не подкачал, и мы вырулили на знакомый асфальт. Хватит волнений. Пора домой.

ОЗЕРО АЛЛАКИ

Подобие изуродованного иткульского Шайтан-камня – Каменные Палатки в Каслинском районе. Но всё по порядку. Просматривая как-то газету «Челябинский рабочий», я прочитала статью журналиста Михаила Фонотова о Каменных Палатках. Они расположены на берегу озера Большие Аллаки близ Каслей, там, где с юга к нему примыкает озеро Рипенды. По рассказу челябинского журналиста, это «пологий холм, увенчанный скалами». По гипотезе археологов, изучавших Каменные Палатки, это – древнее святилище каменного века. Но люди приходили сюда с молитвами тысячи лет после этого.

Исследователи нашли здесь каменные топоры, бронзовые ножи, наконечники стрел, керамику, костяные остроги и крючки, кости животных. Многие изделия были из горного хрусталя. А на «стенах скал» археологи обнаружили писаницу – охряные рисунки древних художников. На них изображены человечки в танце. На их головах торчали рожки. Шаманы с масками рогатых зверей на лице?..

Заинтересовалась – близко ли сие странное место? Внимательно перечитала статью. Так. Деревня Красный Парти-

зан, болото Бугай, из которого вытекает речка Караболка, к югу – озеро Алабуга, на севере – Тюбук. Так это близко, рукой подать! Ближе к вечеру, после работы, понадеявшись на просветы в грозоздких тучах, мы выехали на старую демидовскую дорогу, ведущую в Тюбук.

Она вела прямо, никуда не сворачивая. Вот и село Аллаки с озером Малые Аллаки, заросшим камышами, обложенным болотцами с белоснежными островами мёртвых берёз. На голой равнине – деревушка Красный Партизан. Едем по его краю прямо к озеру Большие Аллаки. С окраины деревни уже видны какие-то чёрные камни вдали. Это округлые пластинчатые скалы из тёмного гранита, лежащие на лоне из колючего зелёного дёрна. Такое впечатление, что перед нами – вершина высокой горы, утопленной в землю в далёкие времена. Может быть, озеро – это скромный остаток от большого моря, разбитого потом на каскад Каслинских озёр. Может быть, Каменные Палатки – это часть скалистого острова, одиноко стоявшего под ветрами посреди серых вод. И может быть, поэтому скалы так покаты и выдублены, и пронизаны отверстиями и гротами, словно здесь поработал гениальный скульптор?

Спины Каменных Палаток покрыты лишайниками, словно второй кожей. В овражках – заросли малины, карликовые берёзки. На самую мощную скалу можно с лёгкостью забраться и сфотографироваться на ней. Отсюда видны синие хребты Вишнёвых гор, укутанные могучими тучами. На

плоском камне – гранитный волан, словно ветром поднят край юбки. Кстати, ветер тут злой. Он снимает тебя со скал и пытается сбросить вниз. Фотоаппарат прыгает в руках, и я понимаю, что вряд ли что получится из моих снимков...

Хотя это к лучшему, поскольку и здесь поработала варварская рука человека. Кичливые надписи намазаны краской, выдолблены молотком, процарапаны топором. Между загадочных монолитов приютились беспардонные «туристы» со своими яркими палатками, котелками и, естественно, мусором. Мусора здесь достаточно. Для того, чтобы фотографировать, сначала надо расчистить место, чтобы в кадр не попала пивная банка, пластиковая бутылка, пакет или пачка из-под сигарет. Ну, не могут без этого просвещённые люди XXI века! Это же круто – пнуть банку в скалу и послушать, как она сбрыкает! Или намалевать своё имя на камне, когда-то знавшем руку художника каменного века. Прикольно же!..

Холодает. Иголки дождинок падают на лицо и руки, на линзы «Зенита». В последний раз окидываем взором прозрачную древнюю красоту, вздыхаем над её осквернением и садимся в бежевый «Жигулёнок». Обратно решаем ехать по другой дороге: вдоль Аллаков к Кисегачу, а там – на Каслинский тракт и домой. Но просёлочные дороги – это ужас водителя. Машина медленно шуршит по песку, в метре от кромки чистого озера с разноцветной галькой, затем чуть не утопает, пытаясь пересечь узкий искусственный водоканал, потом плутает по грязи и перелескам, стремясь к виднеющимся

ся близко-близко Вишнёвым горам, и, наконец, задев бортом деревеньку Кисегач, выбирается на асфальт. Ну, здесь уж всё знакомо. Дождь рвётся вниз и застилает стёкла.

СЕЛО БУЛЗИ

После полудня застенчиво выглянуло солнышко. Спряталось. Снова выглянуло. Что ж, если желаешь, давай поиграем в прятки. Только не здесь, не в городе, а в тех ближних краях, где всё так незнакомо и потому пленительно.

Мы собрались было снова повидать Каменные Палатки, чтобы узреть их в бликах солнечного богатства, но, шурша колёсами по Свердловскому тракту, внезапно решили свернуть не направо, а налево, на Булзи.

Что такое Булзи? Ну, название странное. Ну, село, мимо которого когда-то мы ездили по «заданию института» помогать колхозникам собирать картофельный урожай. Что там могло измениться за десять лет? Действительно, ничего. Правда, дорога стала хороша – ровная, как за рубежом, ехать просто приятно. Вспомнили наши городские дороги – взгрустнулось. Сколь годов ни прошло, а всё колдобины считаем...

Деревня раньше называлась ещё страннее: Болза, и впервые была упомянута в переписи Уфимского уезда Сибирской губернии 1748 года. Её первые жители, мещеряки, поселились в этих местах, на берегах хлопотливой речушки Сина-

ры, в 1744 году. И были эти земли арендованы у башкир. По легенде, село возникло на месте стойбища татарина Булза, сосланного из Казани за воровство. Крестьяне занимались своим исконным делом – хлебопашеством. Синара разделяла село на две части: правобережная сторона – это сами Булзи. Левобережная – деревня Малые Булзи или Горбуновка – по фамилии помещицы Горбуновой, которая жила в Екатеринбурге. Всеми делами руководил управляющий, который жил в богатом кирпичном доме.

23 июня 1751 года Исетская провинциальная канцелярия (г. Челябинск) разрешила государственным крестьянам из Арамильской слободы Екатеринбургского уезда здесь обосноваться. Арендованные земли при этом превратились в государственную Булзинскую волость. К 1812 году она вместе с селом и деревней Мало-Булзинской присоединилась к соседней Коневской. К 1915 году по переписи в село входили деревни Малые Булзи (Горбуновка), Бушуевка, Иткуль (Ключи), Вольховка, Караболка, Пороховая – всего около семи тысяч человек.

В 1911 году село запылало в страшном пожаре. Работник привёз сухое сено, поставил телегу во дворе и ушёл в избу. Телега была на деревянном ходу, на ось накрутилось сено, и от трения сено воспламенилось. А оси колёс работник не смазал, и они перегрелись. Когда бедолага вышел из избы, сено уже горело. А в сторону Булзей как раз дул сильный ветер. Он и не давал потушить пожар. Тем более, не успе-

ли подъехать лошади с бочкой воды. Вот улица Романовка и запылала. Люди едва успевали выскакивать из домов и вынести на улицу скарб. Пожар перебросился на Барабу, где продавали барабинские пряники (ныне улица Октябрьская), и дошёл до нижнего края села. Сгорело почти всё. Уцелели только Горбуновка и центр Булзей. И то лишь потому, что остановился ветер и хлынул дождь. Пришлось отстраиваться заново. Кстати, избы на три окошка с 1912 года существуют до сих пор, и в них живут!

Один из них вообще уникален. Это дом № 41 по Октябрьской. Его хозяин Тимофей Яковлевич Попов во время пожара схватил только деревянный сундучок с деньгами и ушел с ним к озерку и сидел там, пока не стихнет пожар. Затем он построил кирпичный дом, и все «горелки» уложил между стенами. Поставил каменные амбары с подвалами. Дочери построил деревянный дом. Объединил оба дома одним двором, выложил его гранитными плитами. В 1966 году дом отремонтировали. В нём поселилась семья Поповых и живет до сих пор.

В селе в пору его расцвета в XIX веке стояли церковь, волостное управление, две земских школы, кредитное товарищество (земельный банк), библиотека очень ценных книг при церкви, две водяных мельницы, пять кузниц, синильное (покрасочное) производство, две торговых лавки, опытный сельскохозяйственный участок от Ново-Тихвинского женского монастыря. А заимка купца Кулакова впоследствии

стала опытно-показательным хозяйством.

После Октябрьского переворота 1917 года начались необратимые изменения. Как и по всей стране, в Булзях создали колхоз, назвали «Новая жизнь». В 1960 году его переименовали в «Победу». Через десять лет организовали совхоз Булзинский с центральной усадьбой в самом селе и пятью отделениями. Производили молоко, выращивали свиней, сеяли зерновые. Двадцать первый век всё разрушил. Предприятий там нет. Есть школа, детский сад «Золотой петушок», дом культуры, фельшерско-акушерский пункт и почта. Пятнадцать улиц. Три переулка.

До Булзи добрались быстренько, и уж хотели свернуть на село Дальний Береговой, как вдруг над крышами деревеньки, расположенной на холмах, показались стены полуразрушенной церкви. Она казалась огромной – словно утонувший величественный корабль, во время отлива явивший взору и своё величие, и свою дряхлость. Правда, дряхлость здесь создана не волей волн, а ненавистью человека.

Улочки аккуратны, ухожены, как и дома. Даже «смертельно больной» Покровский храм, который по традиции возвышается над округой, свободен от мусора и оскверняющих стены надписей. Он по-своему ухожен теми, кто живёт под его сенью сейчас.

Возле окна с уцелевшей узорчатой решёткой, тронутой рыжей ржой, зеленеет громадная лохматая лиственница. Она нисколько не теряется на фоне кирпичных стен, которые тя-

нутся ввысь — тянутся и обрываются недоумённо: ведь вместо куполов — дыры...

Облупившиеся ступени высоки и широки. Три входа: северные, южные ворота и парадные с запада. Чувство благоговения рождается в душе и не покидает её даже при виде этих насильственных разрушений. Мы обходим храм и ступаем под прохладные каменные своды. Я невольно крещусь. Пусть и осквернённое нами, но это — Божие пристанище.

Стены, округлые потолки хранят память о прошлом убранстве. Человеку, знакомому с внутренним устройством храма, легко восстановить картины былой красоты. Стрельчатые окна, высокие колонны, главный купол с остатками фресок, впереди — алтарь. И повсюду — пыль и мелкая галька. И запах прохладных камней. Отсюда как на ладони — речка Синара, богатые дома, зелёные поля и перелески, дороги и небо в облаках и тучах. Какой душевный покой и равновесие дарит этот благословенный край! И как-то не хочется думать о заботах, лишениях, бедах...

Однопрестольный каменный храм Покрова Пресвятой Богородицы заложен в 1835 году, построена и освящён в мае 1841-го преосвященным Антонием Екатеринбургским. В 1886-1894 годах к нему были пристроены симметричные боковые приделы Сретения Господня и святых равноапостольных царя Константина и матери его Елены. Также была построена новая колокольня. Он возведён в русско-византийском стиле. Примечательно, что храм возведен пол-

ностью за счёт прихожан. На богослужения сюда приезжали верующие с окрестных деревень.

А закрыт он в тридцатых годах XX века. Иконы уничтожили, расстреляли лик святителя Николая пользовали в качестве зернохранилища и мастерской для сельскохозяйственной техники. Для этого западный вход в храм был расширен для въезда автомобилей. Потом здание вовсе забросили.

Окна были выбиты, пол разобран, крыша снесена... Уцелела крыша колокольни с падающим крестом.

В начале XIX века в Булзях жило около трёхсот человек. Верующим выделили молельный дом.

Мы выходим, когда солнце уже набирает силу. Нас встречает деревенская свадьба. Непонятно, кто жених, кто невеста – все одинаково нарядны и истомлены празднованием этого великого события. С нами тут же обнимаются, целуются, напрашиваются на разговор по душам и предлагают выпить и закусить за здоровье неуловимых молодых. Мы отказываемся от «выпить и закусить» и соглашаемся на «поговорить». Спрашиваем, что за храм, и один из гостей серьёзно отвечает, что Иоанна Предтечи, что он здесь всегда был и будет, и что эта церковь – самая большая в области. А молодой кудрявый блондин вдруг вспоминает, что, если ехать по просёлочной дороге в сторону Клеопино, то можно наткнуться на старый женский монастырь, вернее, скит. Только до него надо ещё с пару километров идти по полям и болотам. А мо-

жет, его уже и нет.

Прошло долгое время с поры нашего путешествия в этот край. И в 2014 году силами добровольческих отрядов и на пожертвования верующих храм начали восстанавливать. Теперь там проводятся богослужения. Преобразился и паломнический центр в здании бывшей школы. А в 2015 году колокольню храма вновь увенчал купол с золотым крестом. В селе обосновалась женская монашеская община под началом монахини Феодосии – и Ольги Новгородцевой, бывшей пресс-секретаря Пожарной охраны МЧС. Сама она приехала в село в январе 2013 года. Увидела разрушенный храм, бедность сельчан, разрушенные дома. Она составила список друзей детства, юности, университета, пожарной охраны и многих других знакомых людей, стала писать им письма, звонить с просьбой помочь. Откликнулись немногие, ведь времени прошло немало, контакты изменились. Но матушка неожиданно стала получать средства из самых неожиданных источников! Например, как-то проезжал мимо молодой человек, остановился, спросил: «Ой, а что тут, храм восстанавливается? Так это же хорошо!» И достает из кармана крупную сумму денег, отдаёт в руки: «Бог в помощь, матушка!». А ещё владыка Феофан Челябинской епархии посылал сюда целые автобусы паломников. Они помогали и руками, и деньгами. А монахини готовили фронт работы и варили побольше гречневой каши, чтобы накормить трудников. Так и возродили храм.

Близ церкви стоит достаточно необычный памятник трём местным жителям. С провозглашением Советской власти была избрана милиция. Её возглавил Андрей Иванович Гусев. Его поймали колчаковцы и расстреляли на болоте у села Красный Партизан. После этого тело Андрея Ивановича разыскал его отец и похоронил на старом кладбище. Были расстреляны также Филимон Глазырин и солдат Деменьшин. Их останки покоятся в братской могиле под этим памятником.

Надпись на мраморном памятнике гласит: *«Мир праху Вашему, Павшим от рук наемных Империалистов. Спите, орлы боевые, Знамя Коммуны в Ваших руках. Павшим борцам за идею Коммуны сосыалистического Интернационала – Деменьшину, Глазырину, Гусеву».*

В надписи допущена серьезная орфографическая ошибка – «сосыалистического» вместо «социалистического». В августе 1977 года памятник был реставрирован студентами из Челябинска.

В восьми километрах к северу от села Булзи на берегу реки Щербаковка можно увидеть остатки женского монастыря (он относился к Ново-Тихвинскому монастырю Екатеринбург). Это место обычно называют Свобода. Самое большое впечатление на нас оказывает то, что полуразрушенная церковь находится на поле, вдали от сёл и деревень. Дорога туда грунтовая, по краю пушистых лугов, между строем берёз. Выехали на огромное поле с церковью. Она разруше-

на. Уцелели стены, часть купола. Но её тоже в XXI веке начинают восстанавливать. От скита остался добротный просторный погреб в стороне от храма. Туда ведут ступеньки. Внутри можно выпрямиться во весь рост и разглядеть аккуратную кирпичную кладку.

Время до вечера ещё есть, и мы возвращаемся в Булзи, пересекаем трассу и сворачиваем на Дальний Береговой. Сквозь него, мимо нескончаемых полей, через берёзовые кущи мы едем и едем, а куда, спрашивается? Не знаем. Тогда пора повернуть.

Решаем полчаса размять ноги и выходим в лес. Куда-то вглубь уводит наезженная дорога. Густо запахло навозом. Деревня рядом! Только где? Через берёзы ничего не видно, только слышен лай, кукареканье, мычание. Но вот мы входим в крапивное поле и, наконец, видим крыши. К сожалению, добраться до них мы так и не смогли: раскисшая грязь грозила с лёгкостью трясины засосать наши кроссовки. Так что на нашу долю досталось лишь обозрение огородов, сараек и пары собак. Что за деревня, что за хозяйство? Этого мы так и не узнали: лампочка, показывающая количество бензина, уже начала тревожно мигать. Ладно, ладно, не мигай, едем домой. На последних каплях дотягиваем до Тюбука и там заправляемся. Уф, вроде бы ничего не делали, и видели-то мало, а уже пять часов прошло, а в них – и солнце, и дожди, и ветер, и тишь, и загадка, и тревога, и благодать.

СЕЛО ТЮТНЯРЫ (КУЗНЕЦКОЕ)

Мы живем среди городских удобств, словно среди благословений: ни дров нам не надо, ни пшеницы, ни сена, пришли с работы – ешь, спи, развлекайся, детей воспитывай. И все же, наверное, не зря мы так любим мультик про Простоквашино – тянет нас в деревенские тенета, ничего не попишешь.

Эта деревня покорила меня не столько пейзажами, сколько дыханием истории, видимой буквально в каждом доме, в каждом деревце...

... На берегу небольшого илистого озерца раскинулась длинная цепь деревенских домов. Это три села: Кузнецкое, Беспалово и Губернское. Им более веков двух. Как было бы интересно побродить по весенним улочкам старины! И однажды я там побродила. Дольше всего – в Кузнецком, которое до сих пор называется самими жителями «Тютнярами».

Что же это за таинственные дома, где в палисадниках то громадная лиственница, то усталая ель, то кряжистый дуб, то огрузлый полысевший тополь? Вот, к примеру, притулилась к прошлогоднему чертополоху чёрная спящая избушка, а перед ней стражем стоит, чуть качается, узловато-толстый старый тополь с осыпавшимися листьями. Гравюра.

Ещё одна: стена из красных кирпичей с двумя заколоченными окнами, палисадничком, а позади которой зияет пустота, едва отмеченная коричневыми стеблями крапивы...

Только одна парадная стена и осталась от степенной когда-то добротной усадьбы. Кто здесь жил? Как? Чем зарабатывал на жизнь? Чем увлекался? Какой он был? Простор для воображения и никакой конкретики.

Семиоконный купеческий дом с множеством окон неожиданно потрясает своей «советской» вывеской «Сельсовет». Высокое крыльцо, крепкая дверь, арки, массивное дерево... И чудится: мужик идёт к купцу с мешком зерна, вокруг ребятня голоштанная, женщины румяные в длинных юбках, воробы и пыль от телег... А теперь тут сельская власть, потомуки той ребятни голоштанной.

Рядом – похожий на пряник магазин с полукруглыми окнами и башенками. Закрыт намертво. А я представляю себе, как сюда приходят мужики, рядятся, болтают, сделки заключают, бабы покупки делают, суется, семечки лузгают, мать с ребёнком из магазина выходят – оба красивые, одеты неприхотливо, но аккуратно.

Параллелепипед магазина приземист и основателен. Обширный двор зарос травой, на траве одна старая колея... Склады закрыты, окна забиты, ворота на замке. Нет никого, но так и кажется, что на самом деле здесь кипит деловая жизнь поставщиков, приказчиков, рабочих и возниц, просто сегодня выходной.

На другой стороне дороги – аккуратный парк, так же аккуратно огороженный. Это столетнее церковное кладбище. Ни могил, ни крестов – ровная земля. А под ней – останки по-

хороненных здесь когда-то священников, отслуживших свой век в храме Тютняр.

На берегу озера – развалины церкви и школы, окружённые старым садом. От забора остались кирпичные белёные столбы и низкая кирпичная кладка. Дверь в церковь открыта. Сразу – две лестницы на второй этаж. Левая обрушена. Ступени отглажены тысячами ног. Когда-то по ним ходили священники и прихожане.

Хотела ступить на ступеньку – вдруг сверху ребячьи голоса и смех. словно беспризорностью пахнуло да хулиганьём двадцатых годов прошлого века. Тихонько отошла.

Пахнет экскрементами и пылью. После революции здесь были склады, потом на первом этаже кино крутили – полон зал набивался, а на втором проходили собрания и танцы. Теперь наверху – вскрытые полы: толстенные длинные брёвна, уложенные параллельно друг другу; серые купола и обшарпанные стены в висящих лоскутах краски. А внизу – мрак и тишина среди стен с остатками советских фресок и штукатурной пыли.

Говорят, храм будут восстанавливать. Это замечательно! Снова зазвонят колокола, созывая верующих к Богу.

Развалины одноэтажной школы на холме у озера с севера тонут в бахrome акации, с юга – глядят окнами на широкую поляну и воду. Крыши нет – только стены красного кирпича. У подъезда сохранилась одна ступенька и металлический остов навеса. Если не знаешь, что это школа, лег-

ко представить себе купеческое имение, а в нём – важных господ, кустодиевских дам у самовара, занавески в цветочек и прекрасный вид из окон, паркет, печи, жизнь... Когда-то школу подожгли, и вот результат... Здание построили после первой мировой войны пленные австрийцы. Они же возвели одноэтажную амбулаторию, действующую и поныне.

Немного истории. Село Тютняры (ныне Кузнецкое) возникло более двухсот лет назад на берегах озёр Большие и Малые Ирдяги. Марийское название Тютняры произошло от реки Тютнярь («разливающаяся речка»).

По одной устной легенде огромное село Рождественское (в него входили сёла Губернское, Кузнецкое, деревни Беспалова и Смолина) основали крепостные крестьяне, проигранные в карты князем Долгоруковым Никите Демидову, который выслал их на Урал для основания новых заводов. Другая устная история гласит, что 77 семей помещик променял другому за охотничью собаку, и тот переселил их на берега трёх уральских озёр, главное из которых – Увильды – приказал оставить в отдалении, т. к. продавшие ему эти земли кочевники-башкиры считали озеро священным и при продаже поставили условие, чтобы во избежание гнева аллаха и утраты озером чистоты и целебной силы его вод, в них не отражались ни один дом, ни одно строение.

На самом деле, как следует из купчей крепости от 11 марта 1784 года, «село Дмитриевское Тютнярь тож Кузнецкой округи» в составе 1 400 душ было продано Никите Никити-

чу Демидову князем Михаилом Ивановичем Долгоруким за 46 060 рублей. Кстати, немногим ранее, 10 января 1784 г., уральский заводчик купил у Г. Н. Клеопина за 35 400 рублей «село Вознесенское и деревни Знаменскую, Клеопинскую и Григорьеву» (более 500 душ). Мои родные места...

К началу XX века в селе Кузнецкое (Тютняры) проживало более 25 тысяч человек, возвышались четыре церкви, работали девять школ, в выходные дни и праздники собирався огромный базар, проводились двухнедельные ярмарки, на шести улицах стояли добротные дома из потемневшего кондового леса с заборами из камней серого гранита.

В пятидесятые годы XX века число жителей сократилось в десять раз, исчезло девять десятых старых строений. О величии села напоминали только немногие остатки каменных стен. А теперь и вовсе...

Но сквозь грязь, разруху, заброшенные дома и парки всё-таки пробивается обаяние прошлого и его сила, заключённая в труде и вере. Поэзия серебряных тополей и озёр... Грустное очарование развалин... Изящные Тютнярские графюры...

УРАЛ. СВЕРДОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

ТАРАСКОВО И СЛОБОДА КАУРОВА

Ноябрьская поездка началась в половине шестого утра,

когда автобус забрал несколько человек из нашего православного прихода с остановки и повёз в темноте неохотно пробуждающегося утра в соседнюю северную область. Засветлело, когда мы проехали Екатеринбург, захватив в нём опытного экскурсовода. Широкая дорога изгибалась между скалами и высоким лесом. Ветер снежинками подметал тёмно-серый асфальт. Чувствовалось, что там, снаружи, неприятливый холод.

Экскурсовод, прижав к губам микрофон, рассказывала нам о тех местах, которые мы сегодня увидим – о Троице-Всецарицинской мужской обители в селе Тарасково близ города Новоуральска Свердловской области и о храме во имя святого великомученика Георгия Победоносца в Слободе Кауровой за Первоуральском.

До революции в Екатеринбургской епархии существовало три мужских и девять женских монастырей. Сегодня своё служение несут четыре монастыря в Екатеринбурге, два в Верхотурье, два в Нижнем Тагиле, по одному Каменске-Уральском, Камышлове, Туринске, Краснотуринске, Алапаевске. Шестого октября 2003 года Священный Синод Русской православной церкви благословил открытие четырнадцатого в Екатеринбургской епархии монастыря – Троице-Всецарицинской мужской обители, созданной в конце девятнадцатого века, разрушенной в двадцатом и восстановленной в 1997 году.

Настоятелем обители стал иеромонах Алексей (Малетин).

Свято-Троицкий храм села Тарасково с его чудотворной иконой Пресвятой Богородицы «Всецарица» и целебными святыми источниками уже давно стал одним из святых мест Екатеринбургской епархии. Более года в селе существует монашеская община, которая теперь и оформлена в мужской монастырь. В Свято-Троицком храме обители хранятся множество святых мощей – и Николая Чудотворца, и Лазаря Четверодневного, и новомучеников, и других угодников Божиих. В 1998 году по молитвам иеромонаха Алексия в вырытом монахами колодце забил святой родниковый источник. Братия поставила над ледяным чистейшим ключом часовню во имя иконы Божией Матери «Всецарица», которой молился настоятель обители. В часовне отныне два раза в неделю служитя акафист Пресвятой Богородице.

Вода в источнике исцелила по вере многих православных паломников. Недавний случай описан в «Православной газете» Екатеринбургской епархии. Беременная на позднем сроке женщина, которой врачи ставили диагноз «разложение плода», стала пить по утрам привезённую из Тарасково воду из источника, читала акафист Божией Матери «Всецарица», мазала себя маслицем, освящённым у этой иконы, и в положенный срок родила здорового младенца!

Удивительных случаев исцеления за небольшое время так много, что в монастыре завели особую книгу, в которой христиане записывают чудесные события, произошедшие с ними по милосердию Пресвятой Богородицы и Господа нашего

Иисуса Христа.

«У моей знакомой было обострение гайморита. Она всё сделала, как её раньше учили в больнице, но в этот раз ничего не помогало. А назавтра она собралась к врачу на приём. Я же принесла ей воду из нашего источника. Вечером она промыла нос, вышло много гадости, и всё прошло. Раба Божия Вера, прихожанка Свято-Троицкого храма с. Тарасково».

«Я, раба Божия, грешница Мария, страдала телесным недугом – фиброма матки, и была назначена операция. Хочется поблагодарить Царицу Небесную, именуемую «Всецарица», за Её милость ко мне. Обливалась я водой из Её живоносного источника, пила воду и молилась Ей. По Её благодати я получила полное исцеление».

«Согласно свидетельству раба Божьего Владимира, имело место исцеление от воды, взятой из часовни «Всецарицы» девочки, болевшей псориазом, никакие медицинские препараты ей не помогали».

«По устному свидетельству произошло исцеление больной женщины, которая проживает в городе Екатеринбурге. В течение полугода она не могла вставать с кровати. Стала пить водичку, привезённую ей людьми из часовни «Всецарицы» из села Тарасково, после чего произошло чудо исцеления. Позже она сама приехала в село Тарасково к Божией Матери «Всецарица», чтобы засвидетельствовать это лично».

«Я, раба Божия Надежда, прихожанка Свято-Троицкого

храма села Тарасково, благодарю Богородицу «Всецарицу» Небесную и Господа нашего Иисуса Христа за великое милосердие, которое появилось на мне грешной и недостойной. Однажды ночью я проснулась от сильной боли в голове и почувствовала болевую точку, жжение в моей голове. Она быстро продвигалась полосой по голове вверх. Меня сразу же осенила мысль, что лопнул кровяной сосуд, сразу одолел страх, что может произойти излияние в мозг и мне конец. Я обратилась за помощью ко Господу и Богородице. Взмолилась: «Господи, не попусти мне умереть без покаяния. Царица Небесная, помоги мне!» Что делать мне? А боль так быстро распространялась, и тут меня осенила мысль помочить святой водой с источника «Всецарицы» Небесной. Я намочила этой святой водичкой платочек и приложила на больное место. Боль в голове, которая так быстро распространялась жгучей полосой, стала утихать и вскоре совсем утихла».

«По вере вашей да будет вам».

А что же наш путь в Тарасково? Вот подъехали к Первоуральску. Мне казалось, что это старый заводской посёлок постройки советских времён. Но с посёлка он просто начинается, а дальше буднично перерастает в обыкновенный многоэтажный город с рекой посередине.

Вскоре мы проехали старинную деревню Билимбей и... заблудились. Наш шофёр, который уже несколько лет возит паломников по святым местам Урала, здесь впервые, и в какую из улочек сворачивать, чтобы попасть в Тарасково, не

знал. Пришлось возвращаться с полдороги, искать в Билимбее сворот на Тарасково. Нашли, свернули и благополучно через полчаса добрались до цели нашего путешествия.

Краснокирпичный Свято-Троицкий храм стоит в низине между деревенскими избами и ручьём. Пасмурно. Холодно. Вьются из труб столбики дыма. Подворье монастыря совсем небольшое. Кроме храма и часовенки здесь стоят два одноэтажных деревянных братских корпуса и купальня.

Мы успели к исповеди и причастию, и тот из нас, кто готовился к принятию Святых Христовых Таин, подходит к священнику, крестообразно сложив на груди руки. А потом мы все заказываем требы – поминовение о здравии живых и упокоении мёртвых. Здесь это дешевле, чем во многих местах, и паломники стараются по максимуму использовать такой случай.

В часовне мы набираем воду в запасённые бутылки, а затем уносим в автобус, терпеливо дожидаящийся нас за оградой монастыря. Кто-то отправился в купальню умываться и обливаться святой водой, кто-то решил отдохнуть и пообедать. В ноябре я не решилась даже умыться, посчитала, что слишком уж холодно на дворе; вот если бы летом! Тогда и облиться можно. Так и просидела вместе с мужем в автобусе, ожидая тех, кто ушёл в купальню. Лишь в третьем часу мы отправились дальше – в Слободу Каурову.

Каменный храм построен более трёхсот лет назад и не закрывался ни на один день даже в чёрные годы. Он сто-

ит в селе, расположенном в живописнейшем месте: полноводная река разрезает землю надвое подковой и уходит в леса в том же направлении, откуда пришла. Получившийся полуостров, соединённый с «материком» лишь узким, в полтора шага шириной, подвесным мостом на старых подгнивших опорах, – очень крут. Резкие выступы серой каменной породы обрываются прямо в воду. А на самом высоком месте, освящая серебристыми куполами старые сибирские двухэтажные дома, высится большой кремовый храм с устремлённой в пасмурное небо колокольней. Ограда церкви словно вырастает из обрыва; есть местечко для своеобразного «балкончика» со скамеечкой, где можно сидеть и любоваться ширью родной земли; справа от него – лесенка вниз, к реке. До воды – метра три-четыре. Высоко.

Открываем толстую, потемневшую от времени дверь и заходим в храм во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Своды – до небес. Отовсюду смотрят на нас лики Господа, Пресвятой Богородицы, святых угодников. Фрески на стенах и потолке, старинные иконы византийского письма «Скоропослушница», «Иерусалимская», «Знамение», святых преподобных Серафима Саровского, Сергия Радонежского так выразительны, что хочется опуститься на колени и вознести горячую молитву...

На одной иконе – святителя Николая Мир Ликийских чудотворца и святой царицы Александры – увидела удивительную надпись, мимо которой не смогла пройти: «В ознаме-

нование священного коронования их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Фёдоровны в 1896 году от служащих уткинского Графа Сергея Александровича, Строганова завода». Вспоминаю об этом сейчас, когда пишу, а в душе – радость свидания со святыней...

Фотоаппарат мой в Слободе сломался, и я не сделала ни одного кадра прекрасного храма. Уже тёмным вечером мы отъезжаем от сельской площади, чтобы отправиться домой. Когда теперь сподобит Господь вернуться сюда? Наверное, только летом, – обещает мне муж с сомнением в голосе. Но случилось гораздо раньше – всего через месяц.

В начале декабря в наш приход пришло письмо, где передавалось приглашение иеромонаха Алексия приехать в Тарасково снова. Он говорил: *«Передавайте жителям Озёрска и Снежинска, пусть придут ещё, мы их ждём. У нас появилась новая святыня – Покровец. Это ткань, расшитая особым образом и кажется бархатной. Служила ткань для покровения священных сосудов дискоса и потира. Сделан Покровец в Соловецком лагере заключёнными верующими. Его держали в руках священномученики отец Евгений (Зернов) и отец Илларион (Троицкий), а также другие новомученики. Покрывали им Святые Дары на Литургии. Нужно вашим верующим ещё раз исповедаться и причаститься, прикоснуться к нашим святыням, а мы помолимся здесь о прощении их грехов».*

За два дня собрались наши прихожане в паломничество, и вот мы снова в знакомых местах. Свято-Троицкий храм встретил нас пустотой. Оказывается, служба идёт в часовне. Она очень маленькая, но мы теснимся, теснимся, и входим все пятьдесят человек. Многие готовились к причастию, и иеромонах Алексей исповедует нас, а потом причащает. Погода опять пасмурная, но на душе солнце.

После Литургии монахи идут в храм и служат молебен об усопших, затем рассказывают нам о случаях исцеления верующих от болезней, об истории обители, выносят из алтаря святые мощи, о которых писал настоятель. Когда начинают читать Акафист Пресвятой Богородицы «Всецарица», я ухожу в часовню. Вместе с одной паломницей я набираю ледяную воду в вёдра и иду в купальню. Я знаю, что будет очень холодно, что могу простудиться, но почему-то сегодня меня это абсолютно не волнует. Я верю, что ничего плохого со мной не может случиться: милость, и любовь Божией Матери со мною.

Мы заходим в купальню. Внутри лишь скамейка у стены, пара дощечек посреди пола да два гвоздя в стене, чтобы вешать одежду. Мы по очереди раздеваемся донага. Почему-то мне не хочется лишь умыть лицо и поплескать воду на волосы. Я хочу облиться вся. Холодно. Голые ноги скользят по обледеневшему полу. Я встаю на брошенную вниз тряпку и беру белое ведро. Вначале погружаю руки, потом оттираю водой лицо и голени, а затем в три броска выливаю на себя во-

ду: «Во имя Отца! Аминь!», «И Сына! Аминь!», «И Святого Духа! Аминь!» и кричу, кричу от счастья! Морозная вода обжигает, и через несколько секунд согревает, словно я в тёплой натопленной избе. Мокрая с ног до головы, я уже не ощущаю холода. Неторопливо одеваюсь. И чувствую, что не прочь бы ещё оказаться под водопадом святой воды – но когда-нибудь после, не сейчас. Ни испуга, ни страха, ни разочарования – одна радость и умиротворённый свет в сердце...

Меня не покидало ощущение, что главное своё дело я сделала. И улыбалась, вспоминая, как во время вынужденной остановки за городом нашего автобуса я хотела повернуть назад, домой, в привычную квартиру, к гипнотизёру-телевизору. Какая я глупая!

В автобусе, перекусив, я крепко засыпаю на плече мужа. А в два часа автобус едет по знакомой дороге в Слободу. Не даром буквально два дня назад мне отремонтировали фотоаппарат, сломавшийся при первой поездке! Мы долетаем до Слободы, и фотоаппарат щёлкает кадры. Жаль, что уже темнеет. Стены храма сливаются с небесами. Мы читаем Акафист Божией Матери «Скоропослушница», заказываем требы, просто сидим в первозданном просторе среди намоленных веками святых ликов, а потом прощаемся и уезжаем, поражённые напоследок ещё одним чудом, явленным Господом нашим Иисусом Христом: недавно в храме великомученика Георгия Победоносца замироточила икона...

ВЕРХОТУРЬЕ

На высоком берегу реки Туры стоит небольшой Свято-Симеоновский храм. Молочно-белые стены, сияющие купола, внутри – красно-золотой иконостас, чёрно-мраморные полы и святой источник прямо под храмом. В 1692 году здесь стал восходить от земли и появился поверх могилы гроб уральского праведника Симеона Верхотурского, скончавшегося полвека назад, а вскоре забил родник с чистейшей водой. На этом месте построили часовенку, а затем и храм. На всю Россию прославилось село Меркушино Свердловской области. 12 сентября 1704 года нетленные мощи святого были перенесены в городок Верхотурье.

Благодаря многочисленности чудесных исцелений, молва об угоднике Божиим распространилась далеко за пределами города. Богомольцы со всей Руси стекались в Николаевский монастырь. После революции церковь в Меркушино была разрушена, и только в девяностых годах XX века храмовый комплекс села начал восстанавливаться.

Кто-то из нашей группы паломников здесь впервые. Кто-то бывал прежде, добираясь своим ходом, нередко сложным и долгим, и в мороз, и в зной, чтобы поклониться святым местам.

Наша поездка, занявшая два июньских выходных, состоялась благодаря инициативе горожанки, которая обратилась в администрацию с письменным предложением организовать

паломничество снежинцев по святым местам Урала. Советником заместителя главы администрации по социальным вопросам и начальником отдела культуры Снежинска была организована первая группа паломников в Верхотурье и Меркушино.

Поклониться святому праведному Симеону, Верхотурскому чудотворцу, рано утром в июньскую Родительскую субботу отправились девятнадцать человек. Мы едем. Дождь провожает нас. А может, встречает? Мелькают придорожные поля, леса, пригорки, речки и озёрные берега, деревушки, екатеринбургские окраины, нижнетагильские мостовые... Объезд, обход, не та дорога. Наконец – поворот на Верхотурье. Снимок на память – как без него? Дождь злорадствует, оседая мокрой пылью на наши головы и плечи. Снова в автобус. Ну, уже немного осталось.

Впереди открывается богатый деревенскими домами, палисадниками и мостами простор. Белые стены Верхотурского Николаевского первоклассного общежительного мужского монастыря Екатеринбургской епархии, золото куполов светятся даже под тучами свинцового неба. Красота храмов не тускнеет и в пасмурной серости.

А нас тут же окружают дети, одетые в обноски. «Дайте на хлебushек», – привычно тянут они, цепляются, ждут, не отходят. Но денег давать нельзя – неизвестно, на что они пойдут. Поэтому даю конфетки. Берут и недоумённо морщатся. А дашь хлеб – выбросят. Трое нищих сидят у врат Верхотур-

ского Николаевского первоклассного общежительного мужского монастыря Екатеринбургской епархии. Лица испытые и жалобные. В глазах ничего нет, только краснота и похмельные слёзы. Но, может, это только кажется – похмельные? Может, сами они выкарабкаться не могут, а помочь им – гнушаются? Ведь теперь в России гнушаются нищих. Прежде их привечали, поили, кормили, милостыню давали – чтоб помолился о милосердствующих. Но то была Святая Русь, а теперь – СНГ.

Во внутреннем дворе – слякоть, развороченная мостовая, храм в лесах, нетронутые реставраторами монастырские здания. Группы экскурсантов сменяют одна другую. А мы заходим в Крестовоздвиженский собор. Нам не хочется говорить – только смотреть. Огромное пространство, белый мрамор, новописанные лики святых. На главном куполе старинная роспись: распятый Спаситель в окружении тонких золотых крестов. Храм украшен зелёными берёзками, только что принесёнными из леса: завтра – День Святой Троицы.

Влажность воздуха оседает и на белые монастырские стены, и на золото куполов. Вовсю идут реставрационные работы: после революции многое было взорвано и осквернено. Крестовоздвиженский собор, самый большой на Урале, – в строительных лесах, внутри – белый мрамор, немногочисленные иконы, золото алтаря. На главном куполе – Распятие. Пару лет назад купол начали белить, и вдруг на стене стал проступать лик Спасителя, а вокруг него – золотые кресты.

Приехал Екатеринбургский архиепископ, увидел и запретил реставрацию купола. А распятый Иисус Христос всё яснее стал проявляться на куполе, и кресты – всё ярче светиться ...

Вокруг зданий по глинистым мокрым дорожкам бродят группы экскурсантов. На многих женщинах брюки или юбки с разрезами до бедра, а на лицах – вежливая скука. Гид, остановив подопечных у лестницы, учит их, как вести себя в храме и как креститься. Странно, а если они некрещёные? – подумалось мне. Возле икон вместо молящихся – полузабытые картинки экскурсий, как слепки советских времён. Нелепо смотрятся они в величественном храме.

В четыре часа открылись двери белого Николаевского храма, и паломники вошли поклониться святым нетленным мощам Симеона Верхотурского. Рака стоит справа на возвышении. Люди подходят по одному, целуют прозрачное стекло, молят праведника о наболевшем. Священник специально для нашей маленькой группы, оставшейся на несколько минут после всех, открывает раку. Неизъяснимый аромат напоет воздух. И мы выходим с благодатью в душе.

Выглянуло солнце. До отъезда успели погулять по берегу реки вдоль монастырской стены, увидеть громадный деревянный терем цесаревича. Бревенчатые стены, тёмные от времени, толстые перила, отглаженные тысячами рук, высокие ступени, вытертые тысячами ног, – всё это поражает своей добротностью «на века» и памятью о давно ушедших в небытие хозяевах. Теперь в тереме краеведческий музей. В

побеленных комнатах витрины с экспозициями. В одной из них сохранилась-таки старинная изразцовая печь.

На другом краю Верхотурья – женский монастырь, а между ними – прекрасный собор, венчающий весь архитектурный ансамбль. Весь город – сплошь деревенские избы – являет собой центр духовности раскинувшегося поселения уральцев.

Снова по дороге вдаль, в поисках света и чистоты, а главное, – истины. Шестьдесят пять километров по равнине и по пригоркам – и мы видим Поклонный крест (на этом месте на берегу Туры ловил рыбу Симеон Верхотурский, добывая себе пропитание; здесь, на гладком камне, вросшем в берег, он молился Богу). Мы не останавливаемся – стремимся дальше, к тому ясному отблеску, что уже видится вдали, вдыхаем красоту. Равнинные просторы необычны для того, кто всю жизнь прожил среди гор.

Вот мы и в Меркушино, где находится подворье Ново-Тихвинского женского монастыря. Долгожданное тепло солнца, свежесть высыхающих после дождя полей и близкой реки Туры. Тишина и удивительная красота вокруг Свято-Симеоновского храма дарят душе покой и благодатную радость...

Перебираемся по мосту через коричневую реку, на поверхности которой завиваются кружева быстрого течения. И едем по единственной, но зато широкой и асфальтированной, улице Меркушино. Добротные новые постройки со-

седствуют с покинутыми домами. Вокруг краснокирпичного здания женской обители – чёрные ажурные решётки, во дворе разбиты цветочные клумбы.

В другом красном тереме – странноприимный дом (гостиница для паломников). Двухэтажное здание – одно из немногих сохранившихся после революции; оно восстановлено и отремонтировано совсем недавно. В нём светло, чисто и по-домашнему уютно. Удобные комнаты, в них – жёсткие двухъярусные кровати с чистым бельём, в маленьком холле – диван и кресла, на столике разложены книжки из монастырской библиотеки, на стенах – иконы. Хочешь – посиди, отдохни, хочешь – вычитывай молитвенное правило. На первом этаже – трапезная, светлая от множества окошек. Послушницы разносят постную еду. Вкусно.

Десять монахинь работают, не покладая рук, ухаживают за храмом, занимаются с сельскими ребятами, молятся, готовят к изданию духовные книги. Прямо за колокольней – два крана, штабеля красных кирпичей. Даже в выходные не прекращается строительство колокольни.

Бросаем сумки и спешим в Свято-Симеоновский храм. Он стоит на высоком берегу Туры, прямо над гробницей праведника Симеона Верхотурского, где истекает родниковый источник. С 1996 года в селе постоянно проживают сёстры Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря.

Сам монастырь был учреждён в 1809 году императором Александром I. В нём работали 18 мастерских: прядель-

ная, ткацкая, швейная, свечная, золотошвейная, финифтяная, живописная, иконописная, фотография, оранжерея и другие. Изделия монахинь пользовались небывалым спросом на Тихвинских и Ирбитских ярмарках. Быт простых екатеринбуржцев украшали стёганные одеяла, расшитые цветами, расписной фарфор, цветы из воска...

До 1888 года в монастыре помещался епархиальный свечной завод, больница, детский приют, ему принадлежали две заимки с храмами, пахотные и покосные земли. К 1917 году в нём проживало около тысячи насельниц. В 1918 году сёстры монастыря передавали продукты в Ипатьевский дом для пребывавшей в заточении Царской Семьи. Через два года обитель была закрыта; в её стенах разместились военные учреждения. И только семь лет назад монастырь родился заново.

Особо почитаемая святыня монастыря – это Тихвинская икона Божией Матери, которая находится в соборе святого Александра Невского в Екатеринбурге. Своим духовным учителем монашествующие Ново-Тихвинской обители считают святителя Игнатия Брянчанинова.

А в XVII веке в Меркушино провёл свою недолгую жизнь в подвигах поста и молитвы святой праведник Симеон Верхотурский; здесь же были явлены его чудотворные мощи, перенесённые верующими в Верхотурье в 1704 году. Крестный ход сопровождал, передвигаясь всю дорогу ползком на коленях, местный юродивый Косьма. Уставая, он взывал, об-

ращаясь к праведному Симеону: «Брате Симеоне, давай отдохнём!» И тогда гроб с мощами сам собой останавливался. На местах остановок позже были выстроены церкви и часовни, которые, конечно, не смогли выстоять в борьбе с вандализмом. Но вот уже потихоньку восстанавливается один из таких храмов в селе Костылево, а на месте, где, по преданию, святой удил рыбу и молился Богу, воздвигнут памятный крест. Восстанавливается часовня в честь святого Симеона, которая стояла на этом месте до революции.

Выступило из-за туч солнце, осветило маленький восьмиугольный храм с золотыми маковками, длинную башню колокольни. Справа – крутой обрыв со следами каменной кладки. На самом краю примостилась взрослая пышная берёза. Вдали – река, мостик, лодка. На другом берегу нахохлились тёмные бревенчатые усадьбы, на первый взгляд – жилые; только позже понимаешь, что они давно покинуты людьми.

Внутри храма молятся несколько монахинь и паломников. Идёт богослужение. Что здесь необычного, так это огороженный решёткой спуск под храм. Что там такое? После службы нам рассказывают о житии праведного Симеона и ведут нас по мраморным ступеням вниз.

Посреди маленького белостенного подвала находится прямоугольное возвышение, закрытое деревянным настилом. В отверстие видна прозрачная вода. Нам наливают этой воды, и мы по очереди пьём. Она холодная и вкусная. На стене – иконы. Горит лампада. Здесь – место упокоения свя-

того Симеона Верхотурского. Здесь сёстры читают акафист праведнику и молятся.

Мы слышим рассказ, как после перенесения мощей в Верхотурье в 1704 году на месте выхода из земли гроба праведника была выстроена деревянная часовенка. В 1808 году верхотурский житель Феодор Курбатов построил на её месте каменную, с железной кровлей. Сверху был водружён святой крест, а в самой часовне, в восточной стороне, устроен иконостас. Из могилы святого угодника до сих пор истекает источник. Набранная богомольцами в сосуды вода из него годами хранит свежесть и чистоту...

В одиннадцать часов вечера сестра Наталья гасит в комнатах свет, и мы проваливаемся в сон – столько прожито в эти несколько часов, что невозможно это даже осмыслить, и потому лучше сразу заснуть. Ночь пролетела, и день Святой Троицы встречает нас погожим утром. С востока надвигается дождевая туча, а на западе сияют открытые небеса. Заморосил слепой дождь, а рядом, прямо рукой подать высветилась яркая радуга, за ней – вторая, сверху – отблески третьей. Зазвонили колокола. В село на машинах и автобусах съезжаются на праздник верующие. Много молодёжи и детей.

Началась Литургия. На ней забываешь обо всём и отрешаешься от суетных проблем. И веришь, что Бог милосерд, что Он не оставит тебя погибнуть от грехов... Некоторые из снежинцев сегодня впервые в жизни исповедуются и причащаются. Молодые священники серьёзны и вдохновенны...

В 1919 году части Красной Армии заняли Свято-Николаевский мужской монастырь и закрыли в нём все храмы, кроме Крестовоздвиженского, где находились мощи святого Симеона Верхотурского. Вместо крестов на куполах взвились кровавые флаги.

25 сентября 1920 года, в день памяти уральского праведника, власти решили провести вскрытие его святых мощей. 15 тысяч человек собралось в монастыре на Божественную литургию. Власти требовали сократить длинное богослужение и начать вскрытие мощей. Им отказали. Тогда вооружённые красноармейцы силой пробились к раке с мощами и с большим трудом вынесли гроб на паперть и установили на столе. Две шеренги солдат сдерживали напирющую толпу.

Вскрытие начал архимандрит Ксенофонт. Он снял покров с мощей, но продолжать категорически отказался. Тогда председатель Екатеринбургской ЧК Тунгусков подошёл к гробу, опустил туда руку, вынул голову праведного Симеона и высоко поднял её, чтобы всем было видно. По толпе пронёсся вздох. Так началось надругательство над мощами Верхотурского чудотворца. Его святые мощи были расчленены, вынуты частями и разложены на столе. Гроб перевернули, и из него на стол повалил лебяжий пух. Верующие, плача и крестясь, проходили мимо и успевали потихоньку ухватить со стола белую пушинку.

Тишина угнетала своей скорбью. И тут монастырский архидиакон Вениамин во всеуслышание заявил: «А мы вери-

ли, и будем верить угоднику Божьему». Его тут же арестовали. Председатель исполкома Ларичев, указывая на плачущих монахов и монахинь, сказал: «Вот эта стая чёрных воронов триста лет обманывала народ». И всё же монахам было разрешено сложить мощи обратно в гроб и поставить его в раку.

На другой день после проповеди, обличающей советскую власть, архимандрит Ксенофонт был расстрелян. Все монахи были арестованы и отправлены в лагеря. Единственный, кто остался в живых и вернулся из ссылки, – иеромонах Игнатий, принявший перед смертью в 60-е годы схиму с именем Иоанн.

После закрытия Крестовоздвиженского собора мощи праведного Симеона в 1926 году отправились в Нижне-Тагильский краеведческий музей. Православные христиане топтали туда широкую дорогу, идя на поклон угоднику. Поэтому вскоре мощи были изъяты из экспозиции и перевезены в Ипатьевский дом в Свердловске, а потом их убрали в запасники краеведческого музея в Зелёной Роще (здание собора Александра Невского). Лишь в дни тысячелетия крещения Руси святые мощи были переданы Свердловской епархии и перенесены в храм Всемилоственного Спаса. А 24 сентября 1992 года мощи святого праведного Симеона возвратились в Верхотурский Николаевский монастырь. Паломники едут сюда со всех концов России...

Заканчивается праздник Святой Троицы, и мы, отобедав, тут же собираемся домой.

Я спешу в автобус, а на языке вертится последний вопрос, который я задаю тоненькой немолодой женщине со светлыми глазами, одетой в монашеское одеяние, которая стоит возле притихшего храма:

«Как Вы живёте?»

«Трудно, но благодатно», – отвечает она и, перекрестившись, идёт в храм.

В два часа автобус трогается в путь. Мы уезжаем с пожеланиями доброго пути и возвращения сюда, в Меркушино, чтобы вновь прикоснуться к христианской святыне... Дорога обратно показалась мне короткой, хотя это были те же восемь часов. Трудно было ехать туда, легко – обратно. Правду сказала монахиня: трудно жить по заповедям Божиим, трудно... Но благодатно!

ПРОГУЛКИ ПО СНЕЖИНСКУ

Мы с мужем родились в закрытом городке на Урале. Здесь мы выросли, сюда вернулись после того, как получили образование. Здесь работаем. Здесь полюбили друг друга, поженились, вырастили сына.

Красивое имя у нашего города. А история у него интересная.

КАК ВСЁ НАЧАЛОСЬ

Наш город мал, да удал. Он возник на берегу озера Синара в 1957 году не просто так. Не просто так сюда приехали со всех концов СССР (Союза Советских Социалистических Республик, как в прошлом веке называлась наша страна Россия) из лучших институтов лучшие выпускники высших и профессионально-технических учебных заведений – умные, толковые, с золотыми руками.

Как всё началось? 31 июля 1954 года вышел государственный приказ о создании научно-исследовательского института с номером 1011 (коротко – НИИ-1011). Задача нового НИИ была очень важна: вооружить нашу страну самым мощным в мире оружием – атомной бомбой, ядерных зарядов и боеприпасов. Зачем это было нужно? Чтобы защитить страну от внешних врагов на Западе. Их у нас всегда было много, и они на протяжении всей истории России стремились и стремятся до сих пор её захватить.

Итак, дата рождения нашего РФЯЦ-ВНИИТФ, то есть, Российского федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института технической физики имени Евгения Николаевича Забабахина, – 31 июля 1954 года. А дата рождения города Снежинска – 23 мая 1957 года.

На протяжении своей жизни наша малая родина называлась по-разному.

С 1957 по 1959 год нас именовали по имени соседнего городка – Касли-2.

23 мая 1957 года нам присвоили красивое имя Снежинск,

но до декабря 1993 года оно было для всех секретным, даже для горожан.

А так с июля 1959 по декабрь 1966-го мы – Челябинск-50, с 1967 по тот же декабрь 1993-го – Челябинск-70, неофициально – «семидесятка».

А Снежинском для всего мира мы стали зваться с 1994 года. Вот такие тогда были секреты.

Кто-то говорит, что название предложил первый директор НИИ-1011 Дмитрий Ефимович Васильевич. Однако в 2022 году горожанка Ирина Крохина рассказала, что имя нашему городу предложил дать её дедушка Павел Семёнович Бухаров. Но так как он был только мастером, хотя и участвовал в том партсобрании, где обсуждался данный вопрос, эта информация никогда не предавалась огласке...

ЧТО ТУТ БЫЛО РАНЬШЕ?

Как вы поняли, город наш молодой, а вот место очень старое и замечательное.

Люди тут жили всегда. На берегу озера часто находили стоянки древнего человека бронзового и железного веков. Они ловили рыбу, разводили скот, собирали чернику, охотились на козлов между горой Лысой (её другие названия – Чумишева и Волчья) и бухтой Тёплой, били шурфы (то есть, копали ямы) в поисках красивых «камушков».

В 19 веке на прибрежной полосе озера заготавливали для

Воздвиженского стекольного завода лес, который вязали в плоты и перегоняли на другую сторону Синары. Для него же воздвиженцы выжигали древесный уголь. А ещё строили временные рыбацкие саймы.

Например, на месте стадиона «Комсомолец» в Парке культуры и отдыха находилась рыболовецкая заимка – сайма: большой бревенчатый барак и навесы для сетей. В 1939 году на базе саймы размещался летний пионерский лагерь для детей колхозников села Воскресенское. Здесь они купались, загорали, играли в футбол, рыбачили.

До 1917 года по рекам Вязовка и Карасий Исток старатели мыли золото, близ горы Высокой добывали платину. Между озёрами Иткуль, Ташкуль и Карасье рыли хромпиковую руду.

В наших ближайших окрестностях чего только не было!

В начале 20 века около мыса Скопин, что в районе улицы Гречишникова, стоял лесной кордон: дом лесничего, четыре конюшни, амбар, скотный двор – скотник, деревянная наблюдательная вышка высотой 35 метров. Сейчас вместо всех этих построек мы видим только заросший бурьяном луг.

За стадионом Гагарина располагалась смолокурня: варили смолу, очень важную в хозяйстве.

Ещё в районе Хорева ключа, там, где грузовой въезд на 9 площадку, стояли деревянные дом, барак, смолокурня, хозяйственная кладовая.

На территории Вязовского лесоучастка находились

несколько барачков, конюшня, кузница, кладовая, баня.

На озере Арыткуль располагался лесной кордон, конюшня, кладовая.

В урочище «Семь ключей» размещался лесной кордон с двумя деревянными домами и сараями.

В общем, жизнь была ключом. Весь лес, болота и пригорки вокруг Снежинска хожены-перехожены.

ПОЧЕМУ НАШЕ ОЗЕРО НАЗЫВАЕТСЯ «СИНАРА»?

В Пермском государственном архиве есть необыкновенная рукописная карта формата А-0, расписанная вручную чёрными чернилами и проклеенная с обратной стороны марлей, чтобы не было заломов. Некий русский поручик, то есть, офицер Российской Империи, в 1837 году нанёс на огромный лист плотной бумаги, похожей на ватман, очертания... Синарского озера. Там очень точно обведены берега, мысы, бухты, остров, указаны все речки, которые втекают и вытекают из него, проведена граница между Злоказовскими владениями – Воздвиженкой – и приписными Каслинских заводов. Современная граница нашего ЗАТО Снежинск пролегает точно по той линии, нанесённой поручиком в далёком 19 веке.

Так что это за озеро такое – Синара? Версий этого странного названия несколько. Кто-то считает, что это восточное

имя Чинара. Просто башкиры букву «ч» произносят, как будто «с».

Или это персидское имя Зинара – «излучающая свет, лучезарная, луч света».

Третья версия: что оно как бы «Пáрное» – ну, видимо, пара с озером Иткуль или озером Окункуль.

Четвёртая версия: что это «родниковая вода».

А некоторые уверены, что это два башкирских слова: «син» и «ара».

«Син» – вполне однозначно обозначает у южных башкир и казахов могильник, могилу, иногда – изваяние, стоящее на могиле. Вторая его часть – «ара» – переводится как промежуток, середина. Например, Аракуль – это «озеро, находящееся в промежутке (между горами)». Таким образом, Синара – это «озеро между могильниками» или «озеро близ могильников». Возможно, что у этого названия был и другой оттенок – «озеро, близ которого смерть»... Это пятая версия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.